

A painting of a church with a golden dome and a cross, surrounded by trees and people. The church is the central focus, with a large tree on the right and a smaller building in the background. People are visible in the foreground, some standing and some sitting. The overall style is impressionistic with soft colors and visible brushstrokes.

АНАСТАСИЯ МУРАВЬЕВА

НОГОТКИ

16+

Анастасия Муравьева

Нюгютки

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Муравьева А.

Нюотки / А. Муравьева — «ЛитРес: Самиздат», 2020

Учительницу труда выгнали на пенсию, но она не отчаялась, а стала делать цветы на продажу...

Анастасия Муравьева

Нюгетки

Мария всю жизнь проработала учительницей труда в школе, а выйдя на пенсию, не опустила руки, как многие ее ровесницы, а нашла себе занятие. Она делала цветы и продавала их на кладбище, благо жила Мария совсем рядом, как выйдешь за кладбищенскую ограду, сразу напротив ее дом – серая пятиэтажка. Остается перейти пустырь – слякотный, где увязает по щиколотку, осенью и весной, пыльный и безжизненный летом, когда ни одна былиночка не пробивается сквозь асфальт, и скользкий зимой, так что ноги разъезжаются.

Мария была не из лентяек. Она всю жизнь прожила одна и привыкла рассчитывать только на себя. К счастью, на здоровье никогда не жаловалась, очки на нос не цепляла, пальцы имела сильные и ловкие, ходила быстро, энергично размахивая руками, из всех болезней разве что давление подскочит. Но и тогда Мария себя не баловала: разрешала полежать не больше часа. Таблеток не признавала, прикладывала капустные листья ко лбу, заваривала траву или натирала виски вьетнамским бальзамом «Звездочка», вот и все лечение. Однажды ногу вывихнула, и то не слегла, расхаживалась, держась за стеночку, потихоньку-потихоньку, разогнулась, глядишь и пошла.

Мария не унывала, а обиды и хворобы гнала прочь. Утро она начинала с зарядки, приседала кряхтя, махала руками, прогоняя глубоко засевшую в теле тоску и мысли об одинокой старости, вот так, тянем пальчики, распрямляем с хрустом спину, а потом улыбнуться – это обязательно.

Мария заставляла себя улыбаться, даже через силу. Судьба любит несгибаемых: кто не сдастся, преодолагает боль и продолжает путь: через страдания, через не могу. И она преодолагала.

Когда Марии предложили уйти на пенсию, она не стала возражать. Это было в ее правилах – стойко переносить удары судьбы. Мария молча кивнула и довела уроки до конца, с удовольствием отмечая, что лист с выкройкой не дрожит в ее руках. Уроки домоводства считались неглавными, девочки бездельничали, болтали и огрызались, когда им делали замечания. Многие вместо того, чтобы строчить на машинке или резать салаты, открыто списывали домашние задания, а потом доставали зеркальца, красили губы и переписывались по телефону.

Мария понимала, что жизнь изменилась, а школьная программа безнадежно отстала. Она кротко ставила в журнал четверки и пятерки, лишь бы не выслушивать жалобы на то, что никто уже не носит фартуки и не готовит, а уж тем более не шьет.

У первоклассниц она вела кружок мягкой игрушки, девочки мастерили игольницы, выбирали пуговицы для глаз будущего мехового зверя. Мария склонялась над ними, замечая перхоть в проборах, умильно вздыхала. Она была по-деревенски сноровиста, с любой работой справлялась ловко и споро. Когда уроки заканчивались, Мария, подоткнув подол, мыла полы, переставляла тяжелые ведра, отжимала тряпку, гоня грязную воду так, чтобы она не заливала паркет, а потом разгибалась с лучистой улыбкой, утирая пот со лба.

После увольнения Марии предложили остаться в школе уборщицей, мыть спортивный зал, раздевалки и коридоры, учительскую почему-то не захотели доверить, вероятно, памятуя, что еще недавно Мария считалась здесь полноправной хозяйкой, сидела за столом, заполняя журналы вместе с остальными педагогами.

Мария улыбнулась и отказалась. У нее уже созрел план, она не только ловко делала все руками, но и соображала быстро, новая идея, как пазл, складывалась в ее голове, и один кусочек точно подходил другому.

В последний рабочий день Мария купила торт, пригласила учителей, но пришла одна вечно голодная молодежь, физрук да девчонки, которые вели младшие классы. И директор, и завуч отсутствовали, даже не придумав повода.

Мария сделала вид, что не обиделась, и улыбалась радушно, разливая чай. Ей подали фарфоровую вазочку, что еще надо учительнице труда. Освободившиеся часы передали новому предмету, «Основы технологии». Мария ахала, качала головой: «Надо же!», будто безграмотная бабка, хотя была вовсе не старой, ей едва исполнилось пятьдесят семь.

Посидели хорошо, Мария не просчиталась с тортом, всем хватило по куску, а иначе и быть не могло, ведь на уроках домоводства она всегда точно распределяла продукты, чтобы никто не остался в обиде.

Мария накрыла стол, скромно и хлебосольно, а сама села в уголок, как бабушка большой семьи, которой только и осталось, что готовить на всех. Она рано начала считать себя бабушкой, не имея ни детей, ни внуков, и причин тому было много – ее некрасивая внешность, несложные уроки и навыки, которые обесценивались на глазах. К чему современной женщине умение досуха отжимать тряпку, когда – щелк! – вставляешь контейнер для сбора мусора в моющий пылесос, специальный робот, мигая огоньками, полирует полы, а тебе остается одно – вовремя отскочить и посторониться.

Мария так и жила – увернувшись от бед, покладистая и рукастая. Жизнь награждала всех тычками и плевками, а Мария прыг-скок, вышла сухой из воды. Она чувствовала себя молодой и полной сил, когда пришла домой, поставила подаренную вазочку на стол, а сама выглянула в окно и увидела кладбище в пышном майском цветении – нарядным и веселым, каким оно не бывает никогда.

«Буду делать цветы на продажу!», – сказала Мария и улыбнулась этой мысли. Эта идея настолько вдохновила ее, что она позвонила единственной своей школьной подруге.

Подруга в молодости считалась красавицей и всегда затмевала невзрачную Марию. Подруга была бездетной и рано овдовела, так что, разойдясь в молодости, к старости их судьбы стали похожими. Подруга работала в конторе на производстве, где ее подсаживали молодые, оставив самые неприятные обязанности, за которые никто не хотел браться: сверять бесконечные столбики цифр и записывать автомобильные номера на проходной, но подруга все безропотно выполняла и ни от чего не отказывалась, потому что была одинока и понимала, что на одну пенсию не проживет.

Когда Мария рассказала ей о своих планах делать цветки и венки на продажу, подруга испуганно воскликнула:

– Ты что! Там мафия кладбищенская орудует! Даже не суйся! Тебя убьют!

Но Марию не пугали ни бандиты, ни разборки, она знала, что увернется от всего, и нет ничего страшного для женщины, ни разу не поскользнувшейся на мокром полу. Ее обеды никогда не подгорали, суп не выкипал, а на столе не оставалось крошек. У Марии был дар выстроить вещный мир и стать его частью, такой незримой, что, войдя в класс, не каждый находил взглядом учительницу. Мало кто признавал ее в крепкой женщине, сидящей за учительским столом, с ободком на волосах. Мария поворачивала к вошедшему доброе мясистое лицо и улыбалась – но ее никто не любил: ни учителя, ни дети, ни даже мужчины – в молодости.

Ходил к ней какой-то не то водитель, не то тракторист, их познакомила подруга, сказав, что он ищет жену. Подруга расхваливала Марию на все лады, мол, хозяйственная и верная, гляди, как все намыто. Мария принарядилась и села впервые не в уголочке, а во главе стола, а жених скользил взглядом по стенам и потолку, качался на стуле, вышел покурить, а потом Мария услышала, как хлопнула дверь: он ушел не попрощавшись.

– Я ему не понравилась? – спросила Мария у подруги, расплетая завивку, сделанную специально ради смотрин.

– Может, невкусно? – она зачерпнула студень и задумчиво положила ложку в рот.

Они с подругой остались вдвоем за столом, куда можно было посадить вереницу женихов, и каждый был бы рад такой искуснице-невесте, подумать только: из ничего, из самых немудреных продуктов соорудить праздничный ужин! Любой бы обрадовался, а этот сбежал.

На следующее утро, проснувшись уже пенсионеркой, Мария сладко потянулась, выпростав руки из-под одеяла. Она как школьница порадовалась мысли, что ей не надо никуда торопиться, а спокойное течение ее мыслей не будут прерывать звонки, взрывы голосов и топот ног.

Пусть дети изучают основы технологии. Старые швейные машины с ножными колесами и резиновым ободом разломают, плиту с проржавевшими конфорками сдадут в металлолом, криво сшитые игрушки с торчащими нитками выбросят на помойку. Надо давать дорогу новому.

Рывком открыв дверцу шкафа, Мария выбросила всю одежду, которую носила, когда была учительницей. На помойку отправились жесткие как сбруя жакеты, прямые юбки, прикрывающие икры, блузка с воротничком-жабо и еще одна, нарядная, с ленточками у горла. Мария знала, что все это ей больше не пригодится, а дело, которое должно ее прокормить, требовало жертв, как древнее ненасытное божество.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.